

УДК 342.76:327.2:327.84

**КОНЦЕПЦИЯ ГОСУДАРСТВА «НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ»
КАК ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ
ИДЕИ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ США В НАЧАЛЕ ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА**

Жук Н. А.,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета
Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина

Аннотация В статье подвергаются анализу некоторые аспекты концепции государства «национальной безопасности», воплощаемой в США после событий 9/11, в контексте ее истоков и последствий, лежащих в плоскости реализации идеи «американской исключительности».

Ключевые слова: концепция (доктрина) государства, государство «национальной безопасности», США, «военная доктрина», «американская исключительность», «национальные интересы», «Хартленд», терроризм, «война с террором», ограничение прав человека, милитаризм, империализм.

Анотація У статті аналізуються деякі аспекти концепції держави «національної безпеки», яка втілюється у США після подій 9/11, у контексті її витоків та наслідків, що лежать у площині реалізації ідеї «американської виключності».

Ключові слова: концепція (доктрина) держави, держава «національної безпеки», США, «військова доктрина», «американська виключність», «національні інтереси», «Хартленд», тероризм, «війна с терором», обмеження прав людини, мілітаризм, імперіалізм.

Annotation In the article are analyzed some aspects of the concept of the state of «national security», embodied in the United States after 9/11, in the context of its sources and consequences of lying in the plane of realization of the idea «American exceptionalism».

Key words: concept (doctrine) of the state, the government, the United States «national security», «military doctrine», «American exceptionalism», «national interests», «Heartland», terrorism, the «war on terror», the restriction of human rights, militarism, imperialism.

**«Некоторые могут не согласиться, но я верю
в исключительность Америки – частично потому, что мы показали свою готовность,
через принесение в жертву своей крови и достатка, защищать не только наши
собственные узкие интересы, но и интересы всех»**

Из речи 44-го президента США Б. Обамы, посвященной усилиям США
на Ближнем Востоке, на Генеральной Ассамблее ООН, 24.09.2014 г.¹

Политико-правовое сообщество США в ходе своей более чем 200-летней истории поступательного и последовательного продвижения в качестве ключевого глобального субъекта (в XIX в. – Западного полушария, а в XX-XXI – и всей Земли) мировой политики создало достаточное количество интереснейших политико-правовых доктрин (концепций) – «президентских» и «иных», т.е. исходящих от других высших должностных лиц США (госсекретарей и руководителей спецслужб), формулирующих основные направления политики США. Необходимость исключительного исследовательского внимания к их содержанию объясняется, конечно, не безупречностью озвученных в них правовых формулировок и не безусловной авторитетностью их авторов – это обусловлено ходом мировой истории последних трехсот лет – эпохой т.н. модерна – и той значимостью, которую США, олицетворяющие собой «ядро» транснационалистического глобального порядка и мечтающие оставаться таковым и впредь, в нем сегодня реально занимают. Одной из таких концепций, возникших в недрах военно-политико-правового истеблишмента США и юридизированных в самом начале XXI века, выступает концепция государства «национальной безопасности», провозглашенная 43-м президентом США Дж.

Бушем-мл. после событий 11 сентября 2001 года и активно развитая в последующее десятилетие президентом Б. Обамой.

Глобальность масштабов внедрения этой концепции, политико-правовые и в целом социальные последствия которой оцениваются даже собственным американским экспертным сообществом как упразднение основ демократии в мире, вызывает к постановке для анализа целый ряд вопросов, в том числе: каковы обстоятельства, причины и истоки появления этой концепции? Каковы новеллы правового порядка США, учрежденного воплощением ее нарративов? Является ли она закономерностью в развитии США или есть случайной? Какова социальная природа этой концепции? Можно ли рассматривать ее как рациональную и эффективную модель достижения озвученных целей с точки зрения ее правовых норм и институтов? Соответствует ли она ключевым ценностям либерального Запада? Кто стал ее основным «выгодоприобретателем»? Можно ли оценивать ее как более прогрессивную концепцию государственности или же она есть политико-правовым регрессом? Можно ли полагать эту концепцию пригодной для любого государства или же она носит исключительный характер? Естественно, в пределах одной статьи объективно невозможно даже кратко осветить все аспекты этой проблематики, посему мы ограничимся

исследование исторических истоков смысловых кодов этой концепции, а также некоторых ее политико-правовых последствий, оставив анализ иных ее аспектов для будущих публикаций.

Феноменализм анализируемой концепции государства состоит в ее казуальном и одновременно универсальном, исключительном и всеобщем характере. Что касается казуальности, то пояснение очевидно – ее провозглашение и дальнейшее юридическое оформление непосредственно связывается с конкретными событиями 11 сентября 2001 года – падением башен Всемирного торгового центра в Нью-Йорке и взрывами зданий Пентагона в Вашингтоне и с официальной квалификацией этих событий как «актов терроризма». Иными словами, все дальнейшее, после 2001 года и поныне, развитие США в формате концепции государства «национальной безопасности» увязывается исключительно в контексте этих двух факторов, первым из которых выступает факт разрушения указанных зданий и сопряженной с этим гибели людей, а вторым – интерпретация событий «9/11» как «терроризма», совершенного «террористами аль-Каиды» в отношении «Америки, ее граждан и ее ценностей». Соответственно, поддержание убедительности официальной версии интерпретации указанных событий, а также панического ужаса и страха населения перед возможностью подобной угрозы в будущем выступают неотъемлемыми составляющими этой доктрины как таковой.

Теперь касательно проблематики ее универсальности. Бесспорно, становление, развитие и жизнедеятельность всякого человеческого сообщества всегда были и остаются связанными с преодолением различных угроз – природного, техногенного и социального характера, что обуславливает признание обеспечения безопасности, представляющей собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз важнейшим условием и залогом его надлежащего гармоничного функционирования. Соответственно, надлежащее обеспечение национальной безопасности в самом широком понимании ее смыслов (то есть не только в военно-оборонном, но и в историко-психологическом, идеологическом, духовно-культурном, экономическом планах) должно составлять приоритет в функционировании любого суверенного государства и с таких позиций является универсальной государственной функцией². С другой стороны, сама такая формулировка применительно к концепции государства есть самым что ни на есть «чисто» американским продуктом. Об этом свидетельствует следующее. Так, сам термин «национальная безопасность» впервые был употреблен в послании американского президента Т. Рузвельта конгрессу США в 1904 г. В этом послании речь шла о присоединении к США зоны Панамского канала, причем эта акция обосновывалась интересами «национальной безопасности» США³. В последующие годы проблема национальной безопасности заняла ведущее место в исследованиях американских политологов, а с 1986 года президент США ежегодно обращается к конгрессу с посланием о «Стратегии национальной

безопасности США». В отличие от давней американской традиции, научно-практическая разработка проблематики национальной безопасности в пределах советской политико-правовой школы в схожей вышеобозначенной постановке не осуществлялась в силу как отсутствия принципов, аналогичных тем, которые составляют основу этой концепции, так и в силу особенностей двухполюсного мирового порядка, установленного форматом Ялтинского мира 1945 г., в условиях и контексте которого, начиная с т.н. Фултонской речи У. Черчилля, ознаменовавшей начало Холодной войны между двумя блоками стран (капиталистическим и социалистическим) такого рода вопросы разрешались преимущественно в контексте т.н. «коллективной безопасности»: для стран соцлагеря – под шитом Варшавского договора, а для стран Запада – посредством НАТО.

Тем не менее, утверждаемый нами универсальный характер концепции государства «национальной безопасности» США объясняется отнюдь не общностью этой проблемы для населения всех государств земного шара, а практической зависимостью значительного их числа от контролируемых США институтов и инструментов международно-правового, финансово-экономического, военно-оборонительного и, что особенно важно, информационно-пропагандистского свойства. Объяснение этого лежит в самой природе существующего ныне «нового мирового порядка» – глобалистского (транснационального), империалистического, неоколониального, однополярного и, конечно, англо-американского доминирования. Но и этим не исчерпывается универсальная значимость этой концепции. США – единственное государство, обеспечение «национальной безопасности» которого на уровне его официальной государственной доктрины допускает свержение любого правительства и уничтожение любого государства, рассматриваемого США как «источника потенциальной угрозы для своих национальных интересов», о чем пойдет речь несколько ниже.

Для начала взглянем на правовую основу этой концепции. Ее нормативно-правовой базис составил 360-страничный «Акт о сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требующимися для пресечения и воспрепятствования терроризму», более известный как «Патриотический Акт»⁴, принятый Сенатом США 24 октября 2001 года (что примечательно, в нарушение всех конституционных процедур – без предварительного обсуждения в комитетах Конгресса и без дебатов) и подписанный президентом США двумя днями позже. Частично на смену этому акту, срок действия которого, неоднократно продлевавшийся с момента его принятия, истек 01.06.2015 г., пришел подписанный президентом США 2 июня 2015 г. т.н. «Акт о свободе»⁵. Что касается общей оценки предложенных этими актами мер ограничительного характера, то в качестве ее основы стоит заметить позицию сенатора от штата Висконсин Расса Файнголда, аргументировавшего свое несогласие с принятием этого Акта в Сенате следующим образом: «Мы вступаем в войну с

терроризмом ради сохранения свободы – в этом кроется одна из причин. Но мы проиграем эту войну без единого выстрела, если пожертвуем свободами американского народа», а также вывод кандидата в президенты США нынешней президентской гонки, сенатора-республиканца Рэнда Пола о том, что «эти акты обеспечивают не столько возможность борьбы с терроризмом, сколько право американских спецслужб на тотальную слежку за простыми гражданами»⁶.

Конечно, для понимания истинных смыслов нового правового порядка, установившегося в США после событий 9/11, куда более интересными представляются иные источники, вскрывающие природу принимавшихся официальных властных решений. Важнейшим среди них выступает доклад «Восстановление обороны США» (1997), подготовленный неоконсерваторами в пределах Проекта «Новый американский век» (PNAC) - неправительственной политической организации США, официальной целью которой в 1997 году было задекларировано «продвижение американского глобального лидерства»⁷, которое «одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира». В этом докладе предлагался ряд мер военно-геополитического характера, которые были призваны поддержать «уникальную роль США в сохранении и расширении международного порядка дружественного нашей безопасности, нашему процветанию и нашим принципам», а в контексте необходимости наращивания военной мощи США отмечалось, что «процесс трансформации может затянется, если только не произойдет катастрофическое или катализирующее событие»⁸, каким, как известно, вскоре и выступила Аль-Каида и Усама бен Ладен. Следует заметить, что именно этот проект оказал решающее влияние на разработку военной и внешней политики администраций Б.Клинтона и Дж.Буша-мл. в части того, что понималось ими как «национальная безопасность» США, обеспечение которой увязывалось непосредственно с принятием «решительных мер для смены режимов в странах Ближнего Востока»⁹. Не меньший интерес являет собой и полномасштабный план нападения на Ирак, представленный главой Пентагона Д. Рамсфилдом уже в день начала «войны с террором» - 11.09.2001 г.

Безусловно, концепция государства «национальной безопасности» возникла в США не на ровном месте. Помимо всей исторической событийной логики выстраивания американской мировой гегемонии, ей предшествовала фундаментальная работа, проделанная в контексте этой цели каждым из плеяды президентов, возглавлявших США после Второй мировой войны, от Г.Трумэна и Д. Эйзенхауэра до Р. Рэйгана и обоих Бушей, а также направлявшими их деятельность в соответствующем русле спецслужбами, военным генералитетом и военно-оборонным лобби в целом. Оливер Стоун, оscarоносный американский кинорежиссер, соавтор фундаментального, ставшего бестселлером, исследования «Нерассказанная история США» [1] и режиссер одноименного 10-серийного документального фильма, сумел обозначить суть этой и подобной ей концепций всего

одной фразой: «Мир не приносит дивидендов США»¹⁰. Создание атомной бомбы и бомбардировка японских городов Хиросимы и Нагасаки в 1945 г.; концепция Холодной войны и план глобальной ядерной войны, разработанный во времена Д. Эйзенхауэра; военное вторжение на Кубу в 1961 г.; свержение неугодных США народно-демократических режимов в 1960-х гг. в странах Ближнего Востока, Бразилии, Гватемале, Доминиканской республике, Греции и Индонезии, в 1970-х – в Чили, Никарагуа, Сальвадоре и Гренаде, в 1980-х гг. – в Панаме и Ливане; проведение под руководством ЦРУ масштабных операций (к примеру, «Кондор» в Южной Америке) по «зачистке» представителей оппозиции «марионеточным правительствам» в этих странах; развязывание войны во Вьетнаме и бомбардировка мирного населения Северной Камбоджи в 1960-е гг.; значительное усиление спецслужб США (так, только за 3 года (с 1962 по 1964) ЦРУ провело 163 крупных военных операции по всему миру); с 1970-х гг. - финансирование и вооружение экстремистских организаций в Афганистане, Ираке и Иране; размещение ядерных боеголовок в Англии и Германии в 1983-м; отмена в 1987 г. т.н. «доктрины справедливости», принятой еще в 1940-х гг. и гарантировавшей представителем оппозиции право на равноценное время освещения своей позиции в СМИ; вторжение в Панаму в 1989 г., первая военная интервенция в Ирак (операция «Буря в пустыне») в 1991 г. и спецоперации ЦРУ в Сомали в 90-х гг. - вот далеко неполный перечень шагов, поступательно приведших к окончательному оформлению в США того специфического государственно-правового режима, который принято обозначать концепцией государства «национальной безопасности».

Разумеется, помимо указанных мероприятий внешнеполитического свойства, структуризации и институционализации США в духе провозглашенных задач способствовали и многочисленные акции внутриполитического характера, в том числе: жестокое подавление массовых антивоенных студенческих протестов и движений в защиту афроамериканцев в США в 1960-е гг.; введение в это же время системы тотального контроля за собственным населением (так, в пределах внутренней операции ЦРУ «ХАОС» в течение 1960-х гг. посредством несанкционированных прослушиваний было собрано досье на 300 тысяч физических и юридических лиц, подозреваемых в симпатиях к пацифистам, афроамериканцам и коммунистам); вовлечение, начиная с 60-х гг., в военно-пропагандистский процесс широких кругов общественности – от профессуры и ведущих СМИ до социальных работников, политологов, журналистов и лидеров общественных организаций и профсоюзов, выполнявших за передаваемые через либеральные фонды деньги самую «грязную» работу с общественностью; широкомасштабная «война с наркотиками», развернутая при президентстве Дж. Буше-ст. в начале 90-х гг. XX в.; и, наконец, разветвленная сеть частных тюрем, в которых нещадной трудовой эксплуатации подвергаются заключенные, составляющие почти 25% от числа всех содержащихся в тюрьмах на планете!

Что же собой представляет феномен этой доктрины, отличающейся несоответствием между задекларированными целями и полученными результатами, экономической нерациональностью и, наконец, абсолютной социальной нецелесообразностью с точки зрения реальных интересов граждан США? Ее феноменальность и парадоксальность раскрывается в нескольких аспектах. Так, с одной точки зрения, она является наисовременнейшей политико-правовой доктриной США, ибо ее правовое оформление и легализация пришлись на 2001-2002 гг., с дополнениями и усовершенствованиями технологического и процедурного порядка, вносимыми вплоть до сегодняшнего дня. С другой же стороны, она по праву может считаться закономерным венцом всего предшествующего периода развития имперской государственности США и одной из наиболее старых концепций, ибо своими смысловыми корнями уходит в часы основания США и сопровождающие этот и последующий за ним процесс укрепления американской государственности идеи, принципы, доктрины и понятия. Таковыми, к примеру, среди множества прочих следует считать доктрину Монро¹¹, озвученную в послании американского президента к конгрессу 2 декабря 1823 г., положившую, по замыслу ее авторов, начало своеобразному разделу сфер влияния между США, требовавшими признания за ними монопольного права на подчинение стран американского континента, и остальными великими державами, за которыми США признавали «право» на порабощение других континентов, а также дополнившую ее доктрину Тобара – Вильсона¹², сформулированную в начале XX в. и широко используемую США и поныне для придания видимости законности своим вооруженным интервенциям в странах Латинской Америки.

Что касается идей и принципов, составляющих фундамент этой концепции государства «национальной безопасности», подразумевающей, среди прочего, масштабное распространение военного присутствия США в других странах, то ключевой среди них, безусловно, выступает **идея (принцип, мировоззрение) «американской исключительности»**¹³ (англ. American exceptionalism), согласно которому США занимают особое место среди других народов с точки зрения своего национального духа, политических и религиозных институтов, а также тесно сопряженная с ней **идея «явного предначертания или предопределения Судьбы»** (англ. Manifest Destiny) - крылатое выражение, которое используется для оправдания американского экспансионизма. Истоки такой самоидентификации США восходят к самому начальному этапу колонизации англичанами Северной Америки – к 1630 году, когда вышла книга Джона Винтропа «Город на холме»¹⁴, но некоторые связывают ее с именем Алексиса де Токвиля [3], утверждавшим, что Соединенные Штаты заняли особое место среди всех стран. В 1927 году американская исключительность была определена Джеймсом Лавстоном, лидером Коммунистической партии Америки, как «рост прочности американского капитализма, которая помешала социалистической

революции в Америке» [4]. В риторике высших должностных лиц США для пояснения и обозначения смысла этих идей в разные времена фигурировали самые разные словесные обороты: «Америка превыше всего», «Америка – религиозный свет», «Америка – светоч демократии», «град Божий», «град на холме», «благословленная Богом страна», «американский народ – Богом избранный народ», «Америка – новый Израиль» и т.п. Госсекретарь США времен президентства Б. Клинтона М. Олбрайт по поводу военных интервенций США в странах Ближнего Востока в 90-е гг. XX в. пояснял: «Мы применяем силу, потому что мы – Америка. Без нас мир не существует. Мы стоим выше и видим дальше». Сегодня эта «американская исключительность» трактуется Б. Обамой как особенное право США диктовать в мире правила и контролировать их исполнение с позиций силы, о чем он заявил, в том числе, на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2014 года следующим образом: «Мы претендуем на мировое господство с позиций силы. Америка в ближайшие 100 лет будет занимать позицию мирового лидера». Особую роль в теоретико-практическом обосновании современного и постмодернового понимания «американской исключительности» внес уже упоминавшийся выше Проект «Новый американский век».

Особенно знаковым не только для предмета нашего исследования, но и для понимания геополитических истоков трагичности судьбы нашего Отечества и крайней заинтересованности ведущих стран Запада в установлении контроля над его территориями дает ознакомление с содержанием т.н. **доктрины «Хартленда»** (англ. Heartland – «сердцевинная земля»), первоначально сформулированной в 1904 г. Хэлфордом Маккиндером¹⁵, создателем геополитики как науки и как таковой, основанной на англо-саксонской (морской, атлантической) мировой гегемонии¹⁶. Что же до сути доктрины «Хартленда», то здесь следует выделить три ее составляющих. Во-первых, ее географический план – «Хартлендом» обозначается центральная часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа – Аравия – Индокитай) и периферийная дуга (Америка – Африка – Океания). Во-вторых, собственно ее правила: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром»¹⁷. И, в-третьих, систему баланса послевоенного мирового устройства¹⁸, основанную на противостоянии двух полярных геополитических блоков, вращающихся вокруг двух противостоящих друг другу осей: Соединенных Штатов (т.н. «новой геополитической оси») и Советского Союза (собственно Хартленда). Таким образом, т.н. «земля обетованная «Хартленд», включающая и территории Украины, в геополитике США не может не занимать особого места.

Представление о государстве «национальной безопасности» как политико-правовой модели реализации идеи «американской исключительности» будет крайне неполным без анализа отображенного в принципах, нормах и институтах этой концепции

стратегического видения США будущности других стран на карте мира. Особое внимание в этой связи следует уделить единоличному **планированию США глобального «передела» мира**, осуществлению которого призваны содействовать нескольких стратегий. Во-первых, стратегия **«превентивного одностороннего действия»**, заключающаяся в готовности США заблаговременно низвергнуть любое правительство и государство в случае допущения мысли об их опасности для национальных интересов США. Формулу этой стратегии в начале 2000-х озвучил Дж. Буш-мл. следующим образом: «Если существует «малейшая вероятность» этого, мы должны отреагировать таким образом, словно это «доказанный факт». Десятилетие спустя, 28 мая 2014 г., выступая перед выпускниками академии Вест-Пойнт, президент США Б. Обама в своей речи еще раз подтвердил свою приверженность этой стратегии, акцентировав: «США будут прибегать к военной силе, если необходимо, то в одностороннем порядке, в тех случаях, когда под угрозой находятся наши граждане, когда на кону стоят наши средства к существованию, когда опасность грозит нашим союзникам».

Во-вторых, стратегия **расширение зоны боевых действий и военных конфликтов в мире**. В контексте этой стратегии в список «потенциальных источников угрозы национальной безопасности США» при Дж. Буше-мл. были внесены 60 стран. В-третьих, посредством недопущения роста геополитического влияния стран, провозглашенных США своими «главными региональными врагами» – в «списке» таковых обычно фигурируют Китай, Россия, Северная Корея, Венесуэла, и, до недавнего времени, Иран. К примеру, в качестве инструментов «сдерживания Китая» с 2008 г. США используют усиление военного присутствия в Южно-Азиатском и Тихоокеанском регионе, что легализовано в т.н. доктрине «Тихоокеанский век Америки», озвученной тогдашним госсекретарем Х. Клинтон. И, наконец, через фактическое уничтожение целого ряда государств посредством ведения против них масштабных войн – именно это предусмотрено разработанным Пентагоном в 2001 г. под руководством Д. Рамсфильда **5-летним плане сокрушения 7 стран**: Ирака, Сирии, Ливана, Ливии, Сомали, Судана, и, наконец, Ирана – об этом в своем интервью на ведущем телеканале США в передаче «Демократия сегодня» 2 марта 2007 года публично признался американский генерал Уэсли Кларк¹⁹, некогда соратник Д. Рамсфильда.

Что до перспектив и дальнейшей судьбы концепции государства «национальной безопасности» в США, которая с точки зрения морали абсолютно цинична и антигуманна, а с точки зрения финансов – чрезвычайно затратна и крайне нерациональна, то на данный момент нет оснований вести речь о ее «сворачивании» или замене какой-нибудь иной концепцией. И хотя в одном своем аспекте она вроде бы должна была претерпеть некоторые положительные изменения в связи с подписанием 2 июня 2015 г. президентом США т.н. «Акта о свободе США»²⁰, запрещающего тотальный сбор данных об электронных коммуникациях американцев путем введения ограничений на

программы электронной слежки Агентства Национальной Безопасности, тем не менее в остальных направлениях этой концепции наблюдается дальнейшее ее развитие, проявляющееся, в том числе, в милитаризации государственно-правовой жизни США, наращивании гонки вооружений и поиске новых недорогих способов ведения боевых действий, усилении агрессивных позиций государства в космосе и киберпространстве, многократном увеличении расходов на содержание армии, военизированных структур, структур спецназначения²¹, увеличении производства и поставок всевозможных видов оружия (в настоящее время доля США на мировом рынке оружия составляет около 80%), в продолжении расширения военного присутствия США во всех регионах мира, размещения на территории иных государств американской системы ПРО, усилении военной конфронтации с государствами, внесенными США в список своих «потенциальных врагов» и торпедировании процесса вовлечения в орбиту своих ценностей постсоветских стран. Это тем более очевидно в свете положений обнародованной новой военной стратегии США 2015 г.²², закрепившей курс США на продолжение своей экспансионистской позиции.

Тем не менее, все вышеописанные составляющие концепции «национальной безопасности» США не только не стали гарантией достижения ими озвученных целей в контексте осуществления конкретных «операций», но в известной мере предупредили слабость стратегического позиционирования США себя как мирового гегемона, стоящего на страже «мировой безопасности». Об этом свидетельствуют, в том числе, события июня 2014 года в Ираке, а именно – обращение США к руководству Ирана (к тому моменту, напомним, находившемуся в течение 35 лет «под санкциями» США и занимавшего первые строчки в списках «главных угроз их национальной безопасности») с просьбой о предоставлении военной помощи для отражения нападения военных формирований ИГИЛ (Исламского государства Ирака и Леванта, ранее – «Аль-Каида в Ираке») на контролируемый США Ирак²³. В этой связи важно понимать, что это формирование, в свое время созданное и финансировавшееся США с целью борьбы с режимом Б. Асада в Сирии, выступило, т.о., против своих «хозяев». В такой ситуации по просьбе США и с одобрения НАТО на территорию Ирака вошли элитные военные подразделения «стражей Исламской революции» Ирана, в благодарность за что с него были сняты все экономические санкции и, более того, ему было предоставлено право на обогащение урана для своих АЭС, о чем и было сообщено мировому сообществу 14 июня 2014 года²⁴. Таким образом, изменение отдельных аспектов этой концепции государства США как в части тактики, так и стратегии в условиях молниеносно изменяющихся факторов геополитики и постоянно возникающих новых вызовов будут неизбежны.

Переходя в качестве итога нашего анализа к вопросу о главных «выгодоприобретателях» создания в США государственно-правовой действительности в форме государства «национальной безопасности»,

отметим, что главными среди них являются, безусловно, собственники предприятий военно-(оборонно)-промышленного комплекса и финансирующий их транснациональный капитал, а также военный генералитет и высшие должностные лица спецслужб, остро заинтересованные в гонке вооружений и развязывании военных конфликтов, в усилении своего глобального влияния и реализации властных амбиций на всех уровнях и во всех направлениях. В этой связи следует отметить, что характерной особенностью государства, функционирующего на основе концепции «национальной безопасности», выступает фактическое верховенство военного генералитета, корпораций ВПК над президентом и его администрацией. Так, когда в 2009 г. президент США Б. Обама заколебался в ответ на требование военного командования увеличить военный контингент США в Ираке, директор ЦРУ Леон Панетта заявил ему: «Ни один демократически избранный президент не может игнорировать советы военных! Просто следуйте им, делайте, как Вам говорят». В итоге, контингент военных был увеличен еще на 30 тыс. человек²⁵.

Что же касается вопроса о том, кого можно полагать наиболее потерпевшими от реализации подобного рода государственных концепций, то таковыми, по нашему убеждению, выступают: 1. Рядовые граждане, преимущественно из низших социальных слоев, служащие источником для пополнения рядов новых ландскнехтов и традиционно несущие все расходы на содержание спецслужб, заграничных военных контингентов и реализацию новых программ безопасности²⁶. 2. Само государство, готовое на многочисленные человеческие жертвы среди собственного населения в угоду меркантильным устремлениям «хозяев денег»; государство, утрачивающее способность выполнения внутренних, не связанных с милитаризацией, функций и неспособное в этой связи оказать своевременную и адекватную помощь своему населению в случае катастроф природного свойства (как, в частности, это имело место в случае в США в 2005 г. с Новым Орлеаном, население которого понесло невосполнимые потери от урагана «Катрина» в 2005 г.²⁷); государство, руководство которого неспособно считаться с естественными интересами других государств и учитывать, что последние тоже вправе разработать и реализовать свою собственную концепцию «национальной безопасности», в такой же мере не учитывающей интересы первоначального автора этой доктрины, хотя и весьма сомнительной с т.з. коллективной безопасности и общественной пользы, но чрезвычайно интересной с точки зрения государственно-правового опыта.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Текст речи см.: <http://translations.state.gov/st/russian/texttrans/2014/09/20140924308851.html#axzz470ufTpc5>

2. Конечно, здесь следует оговориться, что для государств с частичным (градиентным, дефолтным) суверенитетом, к числу которых относятся, в первую очередь страны «нецивилизации» (иными словами - «варварские» и «дикарские» страны постсоветского пространства, страны БРИКС, Юго-Восточной Азии, Латинской и Южной Америк и Африки), впрочем, как и

большинство стран «цивилизованной» Европы, а также фактически оккупированная США Япония, эта сфера вообще выведена за рамки их собственного народовластия, а, значит, входит в сферу ведения иного субъекта властвования.

3. Подр. см.: http://usa-info.com.ua/presidents/26_roosevelt.html

4. Текст Акта см.: <https://epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html>

5. По мат.: <http://www.reuters.com/article/usa-security-surveillance-idUSL1N0YO1O820150603>

6. По мат.: www.google.com.ua/search

7. См.: <http://vpk-news.ru/articles/5161>

8. Подр. см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Проект_«Новый_американский_век»

9. Там же.

10. По мат. интервью Оливера Стоуна в передаче «О. Стоун у В. Познера» от 10.11.2014 г.

11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Доктрина_Монро

12. <http://uchebnik-online.com/131/209.html>

13. Подр. см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Американская_исключительность

14. Stephen Brooks. Understanding American Politics. – Toronto: University of Toronto Press, 2009. – 407 p.

15. Х. Маккиндер «Географическая ось истории» (англ. Geographical pivot of history) (1904).

16. Что особенно любопытно, в 1919 г. Х. Маккиндер выполнял функции британского Верховного комиссара в оккупированной странами Антанты Украине, тогдашнем Юге России [2, с. 60], а позже, участвуя в подготовке Версальского договора, добился закрепления в нем появления т.н. «лимитрофных» государств - Польши, Румынии, Чехословакии, Эстонии, Латвии и Литвы, призванных разделить германцев и славян.

17. Отобразена в работе Х. Маккиндера «Демократические идеалы и реальность» (1919)

18. Сформулирована в работе Х. Маккиндера «Земной шар и достижение мира» (1943)

19. Интервью см.: <https://www.youtube.com/watch?v=6XBBBGfMnXY>

20. По материалам <http://www.reuters>

21. Официально расходы Пентагона с момента принятия концепции «национальной безопасности» выросли в 2,5 раза – до 700 млрд. дол., но реальный бюджет Пентагона по неофициальным данным составляет более 3 трлн. долларов.

22. <http://podrobnosti.ua/2044270-voennaja-doktrina-ssha-teper-napravlena-protiv-rossii.html>

23. В ходе этого наступления 1-тысячная армия боевиков ИГИЛ разгромила 15-тысячную иракскую армию, 6-9 июня захватила г. Мосул, родину С. Хуссейна, и военную базу американцев, уничтожив военных и спецнастов, захватив вооружения и казнив судью, в свое время осудившего иракского лидера.

24. По мат. интернет-канала «День ТВ». Программа «Политинформация» «А. Фурсов. Аналитика событий июня 2014 г. Урок истории. БРИКС и Новый Мировой порядок».

25. По мат. док. фильма «Нерассказанная история США. Часть 10. Буш и Обама. Эпоха террора. Война вопреки» реж. О. Стоуна (США, 2014) // YouTube

26. Ф. Рузвельт перед Второй мировой войной предупреждал: «Война стоит денег – это налоги и облигации, облигации и налоги. Она означает отказ от роскоши и предметов не первой необходимости». Парадокс, но в процессе реализации концепции государства «национальной безопасности» в США Дж. Буш призвал американцев тратить больше денег на предметы роскоши и снизил налоги ... для богатых.

27. Подр. см.: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Катрина_\(ураган\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Катрина_(ураган))

ЛИТЕРАТУРА

1. Стоун О., Кузник П. Нерассказанная история США. – С.-П.: Азбука, Колибри, 2014. – 928 с.
2. Панарин И.Н. Мир после кризиса, или Что дальше?. – СПб: Питер, 2011.

3. З.Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
4. Альберт Фрайд: Коммунизм в Америке: история в документах, Columbia University Press, 1997. ISBN 0-231-10235-6.
5. Джон Перкинс. Исповедь экономического убийцы. – М.: Претекст, 2012. – 352 с.

УДК 340:316.325

ПРАВО В КУЛЬТУРНО-ЕСТЕТИЧНІЙ СФЕРІ ГРОМАДЯНСЬКОГО СУСПІЛЬСТВА

Воронова І. В.,

кандидат юридичних наук,
доцент кафедри державно-правових дисциплін
юридичного факультету
Харківського національного університету
імені В.Н. Каразіна,
старший науковий співробітник

Анотація Висвітлюється ряд теоретичних питань, що стосуються взаємозв'язку культурно-естетичних цінностей і права в умовах становлення та розвитку громадянського суспільства і правової держави. Підкреслюється самотність об'єктів культури, з одного боку, та їх природна і необхідна потреба у відповідному правовому регулюванні і захисту – з іншого. Звертається увага на актуальність прийняття досконалих правових законів, звернених до культурно-естетичних цінностей – особливої сфери вираження інтересів і потреб членів громадянського суспільства.

Ключові слова: громадянське суспільство, правова держава, культура, культурно-естетичні цінності, система права, правові закони, інтереси і потреби особистості.

Анотация Освещается ряд теоретических вопросов, касающихся взаимосвязи культурно-эстетических ценностей и права в условиях становления и развития гражданского общества и правового государства. Подчеркивается самотность объектов культуры, с одной стороны, и их естественная и необходимая потребность в соответствующем правовом регулировании и защите – с другой. Обращается внимание на актуальность принятия совершенных правовых законов, обращенных к культурно-эстетическим ценностям – особой сфере приложения интересов и потребностей членов гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, культура, культурно-эстетические ценности, система права, правовые законы, интересы и потребности личности.

Annotation It highlights a number of theoretical issues related to the relationship of cultural and aesthetic values and rights in the conditions of formation and development of civil society and the rule of law. It emphasizes the uniqueness of cultural objects on the one hand, and their natural and necessary need for appropriate legal regulation and protection – on the other. Attention is drawn to the urgency of the adoption of improved legal laws, addressed to the cultural and aesthetic values – the sphere of application of special interests and needs of members of civil society.

Key words: Civil society, rule of law, culture, cultural and aesthetic values, legal system, legal laws, the interests and needs of the individual.

В умовах формування і функціонування цивілізованого громадянського суспільства до права та системи чинного законодавства пред'являються особливі вимоги, які ініціюють наближення правових цінностей до культурно-естетичних потреб особистості. Право, будучи явищем, похідним від культури суспільства, в порядку зворотного зв'язку покликає знаходитися в певній мірі в служінні тим функціям культури та естетики, які є пріоритетними для життєдіяльності членів громадянського суспільства.

Слід підкреслити, що пріоритет у виявленні, підтримці, використанні культурно-естетичних цінностей у вирішальній мірі належить самому громадянському суспільству і його численним інститутам. Однак у відриві від правового поля, поза функціонуванням правових законів багато перетворень у сфері реалізації права особистості на досягнення культури і естетики можуть виявитися

недостатніми і малоєфективними. Ось чому проблема співвідношення правових і культурно-естетичних засобів і цінностей залишається актуальною і вимагає детального наукового осмислення.

Як суспільне явище, обумовлене духовною культурою і цінностями природного права, чинне право в умовах становлення громадянського суспільства не може перебувати в ізоляції від кардинальних культурно-естетичних процесів, які зачіпають інтереси значної частини членів суспільства. Незважаючи на труднощі сучасного розвитку держави і суспільства, система права при всій своїй недосконалості і недостатній пристосованості до нових умов життя поликана враховувати пріоритетні спрямування і інтереси членів суспільства, включаючи їх потребу у культурно-естетичних цінностях. Без такої орієнтації право може в певній мірі втратити своє регулятивне і практичне призначення, що стосується охорони і збереження культурної спадщини, відтворення відповідних культурно-естетичних цінностей.